

— Матушка! — Госпожа Хэ вытерла слезы и сжала руки Старой госпожи Е. — Стоит вам только согласиться, и я сама пойду просить младшую невестку. Пусть наш старший господин в Учжоу занимает должность лишь помощника начальника округа четвертого ранга, но за эти годы он отлично справился со многими важными поручениями. В этот раз он вернулся в столицу для доклада о службе, и его непременно должны повысить. К тому же не стану скрывать от вас, матушка: хоть мы в Учжоу и не столичные чиновники, место там прибыльное. За все эти годы не берусь утверждать иного, но наше семейное состояние точно богаче, чем у второй ветви.

— Дело вовсе не в этом, — прервала ее Старая госпожа.

— Матушка, вы выслушайте невестку! — торопливо заговорила госпожа Хэ. — Я понимаю, что вы имеете в виду. Эти мирские богатства, конечно же, не сравнятся с Братцем Мянem. Но ведь и я в общих чертах знаю, как идут дела у нашей второй ветви.

Госпожа Хэ присмотрелась к лицу Старой госпожи и продолжила:

— У второй ветви есть Братец Цзин, законный старший сын, да и незаконнорожденных сыновей немало. В будущем то, что достанется Е Мяню, пусть и хватит на жизнь, но богатым наследством точно не станет. — При этих словах госпожа Хэ приободрилась. — Но вот если бы он перешел в нашу ветвь, все было бы совсем иначе. Разве не всё наше с супругом достанется ему? У вашей невестки горькая доля — я не родила даже дочери, так что смогу оставить ему целиком и свое богатое приданое.

— К тому же он у нас двоих будет единственным, мы станем лишь лелеять его, и не будет никакого любимчика или обделенного. — Госпожа Хэ промокнула платком уголки глаз, осторожно поглядывая на Старую госпожу Е.

Старая госпожа немного подумала и принялась уговаривать ее:

— Для усыновления лучше выбрать кого-то помладше, тогда и привязанность с возрастом будет крепче. Присмотрись лучше к шестому молодому господину. Ему сейчас восемь лет, тоже славное и милое дитя.

Госпожа Хэ бессильно вздохнула:

— Несчастливая у меня судьба, не осмелюсь я больше растить дитя в столь малом возрасте. Боюсь, нам с супругом не суждено его вырастить, а если вдруг случится беда... — Госпожа Хэ разрыдалась. — Тогда вашей невестке останется только наложить на себя руки.

Когда госпожа Хэ в сопровождении служанок вышла из Павильона Шоуюнь, пожилая нянька рядом с ней тихо вздохнула:

— Боюсь, дело непростое. Старая госпожа, похоже, считает, что лучше всего выбрать пятого молодого господина Цяо-гэра.

Госпожа Хэ поджала губы:

— Говорит робко и нерешительно, сразу видно — воспитан наложницей. Ему уже двенадцать лет, характер давно сложился, теперь его не исправить.

— Но ведь Четвертый молодой господин... — смущенно вздохнула нянька. — Посмотрите на его облик и нрав — сущий юный небожитель. Не берусь судить о столице, но в нашем Учжоу точно не сыскать второго такого. Разве вторая госпожа уступит его?

Госпожа Хэ вздохнула:

— Я сама смиренно попрошу ее. Чего бы она ни потребовала, я на всё соглашусь.

Вернувшись в покои, которые им отвели в Резиденции заместителя министра, госпожа Хэ предстала перед супругом. Увидев ее покрасневшие глаза и расстроенное лицо, старший господин вздохнул и спросил:

— Матушка не дала согласия?

Госпожа Хэ устало покачала головой и жестом велела служанкам снять с ее запястий два нефритовых браслета.

— Матушка хочет, чтобы мы усыновили Цяо-гэра. Однако, супруг мой, — искренне произнесла госпожа Хэ, — если бы сегодня я не встретила Е Мяня, мы бы согласились на Цяо-гэра. Но стоило мне увидеть его, как я...

— Не боюсь, даже если вы назовете меня глупой, — госпожа Хэ взглянула на мужа. — Сегодня я лишь мельком взглянула на него и сразу почувствовала: это мой сын! — С этими словами госпожа Хэ снова разрыдалась. — Если бы я смогла родить и вырастить мальчика, он непременно был бы точно таким же.

Старший господин с выражением вины на лице ободряюще похлопал госпожу Хэ по руке.

Госпожа Хэ вытерла глаза платком, уголки ее губ слегка приподнялись, и она мягко добавила:

— К тому же мы с этим ребенком ладим. В детстве это было незаметно, но теперь он вырос и так тянется ко мне. Если в будущем его действительно усыновит наша ветвь, между нами, матерью и сыном, точно не возникнет никаких размолвок.

Старший господин опустил голову и постукивал пальцами по чайному столику из грушевого дерева, о чем-то размышляя.

Госпожа Хэ решила подлить масла в огонь:

— Верьте мне, супруг, я умею разбираться в людях. В глазах Е Мяня видна лишь доброта, его характер точно безупречен.

Старший господин вздохнул:

— Я и сам знаю, какой это хороший ребенок. Думаешь, я его не хочу? Да только мой младший брат не желает уступать, это действительно трудная задача.

Госпожа Хэ сердито взглянула на него:

— Мне и спрашивать не нужно о вашей гордости. Наверняка вы в кабинете напустили на себя вид старшего брата и лишь вскользь спросили об этом. Было бы странно, если бы он согласился!

Госпожа Хэ принялась терпеливо втолковывать ему:

— Раз уж мы просим у них столь прекрасного законного сына, не должны ли мы сами склонить голову? А вот когда усыновление свершится и мы увезем Е Мяня в Учжоу, можете расправлять плечи сколько душе угодно! — При этих словах госпожа Хэ самодовольно улыбнулась. —

Помните, как в конце прошлого года Братец Цзин приезжал в наш Учжоу по императорскому поручению? Вы брали его с собой на приемы, и сколько тогда было гордости на вашем лице, неужели забыли? А ведь он всего лишь племянник. Если же в этот раз мы привезем домой такого сына, то чем тогда посмеют насмехаться над нами те провинциалы, которые за всю жизнь и свету-то белого не видели!

Госпожа Хэ при этих словах вспомнила о чем-то своем, прищурилась и сжала платок в кулаке с такой силой, что он скрутился в тугой жгут. В ее сердце укрепились решимость: во что бы то ни стало нужно усыновить Е Мян.

Слова жены заставили старшего господина задуматься, и он слегка кивнул.

Е Мян, разумеется, и ведать не ведал о том, как взрослые из двух ветвей поместья Е провели бессонную ночь. На следующий день после занятий он специально отправился выразить почтение госпоже Цю и принялся осторожно расспрашивать о вчерашних событиях. Госпожа Цю ни за что не осмелилась бы рассказать ему правду, поэтому лишь с улыбкой ответила, что они повздорили из-за каких-то мелочей.

Видя, что госпожа Цю не желает говорить, Е Мян, как младший в семье, не мог расспрашивать дальше. Однако с глазу на глаз он пригрозил отцу: если тот посмеет привести в дом новую наложницу, он предаст огласке историю с той девицей из Башни Цзуйюэ, и тогда они «погибнут вместе». Разгневанный Заместитель министра Е сорвал с ноги сапог и запустил им в уже убегающего Е Мян.

Когда Е Мян ушел, госпожа Цю поспешила отдать приказ верным служанкам, дежурившим вчера во дворе: ни единого слова о случившемся не должно долететь до Двора Баофэн.

Е Мян ничего не знал о раздорах между двумя ветвями семьи и каждый день весело ходил на учебу и возвращался домой.

Уроки каллиграфии у Князя Жуннань тоже не прекращались. Этот Чжуан Сюй в роли учителя оказался крайне прилежным и чрезвычайно властным. Однажды Е Мян решил отлынивать и отправился с Вэй Аньюанем и остальными сначала пообедать в Башню Юйсянь, а уж потом явился к нему во двор, из-за чего немного опоздал. Чжуан Сюй ничего ему не сказал, однако на следующий день Башня Юйсянь благополучно закрылась. Вэнь Сюнь от досады топал ногами и бил себя в грудь прямо у ее дверей, ведь тамошние повара больше всего подходили ему по вкусу.

В этот день Е Мян после занятий прямиком побежал во двор своего дяди и тети. Изначально Заместитель министра Е приготовил эту усадьбу для свадьбы Е Цина, но позже они выкупили соседний Павильон Бихуа, и этот двор освободился. Супруги из старшей ветви временно поселились здесь со всеми своими слугами и не чувствовали тесноты.

Е Мян чувствовал, что дядя и тетя души в нем не чают, поэтому они то и дело приглашали его отобедать вместе, и он с радостью приходил к ним.

Старая служанка с радостным видом доложила в покои, что пришел Четвертый молодой господин. Лицо госпожи Хэ расплылось в улыбке, она тут же поднялась навстречу и, ласково называя его сыночком, потянула Е Мян за руку в комнату.

Е Мян с улыбкой, немного смущенно высвободил руку и сказал:

— Тетушка, у меня руки грязные. После полудня у нас были занятия по верховой езде и

стрельбе из лука, на плацу пыль стояла столбом.

— Ой, пустяки какие! — Госпожа Хэ кивком велела служанкам принести воды. Она сама смочила полотенце и принялась вытирать ему лицо и руки. Глядя на то, как его личико покраснелось после бурных забав, пыша здоровьем и бодростью, она радовалась еще сильнее. С улыбкой она сказала: — Давай вытрем руки и пойдем обедать, а как вернешься в Двор Баофэн, тогда и помоешься хорошенько. В твоём возрасте нельзя голодать.

Дядя Е Мянй прибыл в столицу для доклада о службе, поэтому, когда ему не нужно было наносить визиты и устраивать приемы, он наслаждался редким отдыхом в поместье. Так что эти трое частенько собирались вместе за обедом.

Е Мянй очень любил своего дядю. Тот мало того что всегда благодушно улыбался при виде племянника, так еще и расспрашивал о занятиях совсем не так, как Заместитель министра Е, который и пяти слов связать не мог, чтобы не начать сердиться и топорщить усы. Дядя лишь мягко и терпеливо указывал мальчику на ошибки.

Е Мянй отличался живым нравом, а госпожа Хэ к тому же всячески потакала его шалостям, поэтому они не придерживались правила молчания за едой. Е Мянй увлеченно пересказывал им забавные истории, случившиеся за день в академии. Он умел говорить красноречиво и образно, заставляя супругов старшей ветви то и дело покатываться со смеху. Старшие служанки и няньки, прислуживавшие рядом, тоже вставляли словечко-другое для веселья, забавляя хозяев.

Госпожа Хэ не могла не вздыхать про себя: вот как должен выглядеть настоящий дом. Все эти годы в их собственной ветви царило уныние и запустение, и она сама не знала, как смогла это вынести.

Заговорив о цзиньли, которую он с таким мастерством поймал в императорском заповеднике, Е Мянй повернулся и приказал Фэнцзиню:

— Скорее сбегай в Двор Баофэн и принеси Ван Сиси.

<http://bllate.org/book/18289/1753870>